

1992 г.

А.Б. СИНЕЛЬНИКОВ

СОЦИАЛЬНО ОДОБРЯЕМЫЕ ПРИЧИНЫ РАЗВОДА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

СИНЕЛЬНИКОВ Александр Борисович — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра социальной демографии Института социологии АН СССР. В нашем журнале опубликовал ряд материалов по проблемам демографии.

Существует мнение, что в странах христианской культуры еще несколько веков назад разводы были запрещены или допускались лишь в порядке редчайшего исключения [1, с. 366—368]. Однако анализ источников показывает, что принцип нерасторжимости брака практически никогда и нигде не соблюдался в полной мере. То, что мы считаем исключениями, на самом деле было достаточно типичным; эти случаи были предусмотрены законодательством, которое, в свою очередь, отражало традиционную брачную мораль.

Отражение традиционной брачной морали в законах о разводе

Большинство традиционных христианских церквей относилось к разводу весьма негативно, а по догматам католицизма браки, заключенные перед лицом Бога, т.е. посредством венчания в церкви, вообще нерасторжимы. Однако даже католики уже в средние века знали такую форму прекращения брака, как его аннулирование. Оно отличалось от развода тем, что мотивировалось нарушением мужем или женой не самих правил семейной жизни, а законов о заключении браков. В действительности, аннулирование брака чаще всего было замаскированным разводом. О добрачных нарушениях, например, слишком близком родстве с неверными женами, короли, желающие расстаться с ними, вспоминали тогда, когда нужен был предлог просить папу римского об аннулировании брака. Предлог удобный, поскольку все царствующие династии были в родстве, а сама неверность не считалась папами причиной для развода.

Православная церковь, в отличие от католической, допускала не только аннулирование брака, но и развод, причем считала неверность основанием для последнего. Многие русские цари (Василий III, Иван IV, Петр I), князья, бояре и другие знатные люди насильно посылали жен в монастырь — это был способ развода. В XVII в. патриарх Иоаким даже издал указ о запрете постригать в монахи мужа от живой жены и жены от живого мужа и о запрете супругам, оставшимся в миру, вступать в новый брак. Судя по указу, явление распространилось за пределы высших слоев общества, и не только мужья заставляли жен постригаться, но и наоборот.

Б XIX в. в законодательстве Российской Империи существовало немало оснований для развода: осуждение мужа или жены к «лишению всех прав состояния», его (или ее) «неспособность к брачному сожитию», если она возникла до брака, «безвестное отсутствие» кого-то из супругов свыше пяти лет, а также ряд других причин, главным образом, «доказанное прелюбодеяние». В начале XX в. именно этой причиной мотивировалось около 95% разводов [2, с. 145]. В полном объеме эти правила касались только православных — лица других конфессий расторгали браки в соответствии со своими религиозными законами.

Протестантизм разных толков либеральнее относится к разводу, чем православие и католичество. Еще дальше идут в этом отношении мусульмане и иудеи. У них шире круг оснований для расторжения брака и проще процедура последнего, которая не требует обращения к высшим духовным властям. В то же время у католиков до сих пор окончательное решение о расторжении брака (причем супругов, проживающих в любой стране) может быть принято лишь в Риме. Мусульмане и евреи признают такую причину для развода, как невозможность иметь детей, Де-факто эта причина у мусульман едва ли не главная. До недавнего времени в арабских странах (Сирия, Иордания, Египет) От 67% до 74% разводов приходилось на бездетные браки, хотя постепенно растет и доля разводов среди пар с детьми. В Израиле еще в 1956 г. 59% разводящихся составляли бездетные пары, но к 1981 г. их доля упала до 36% [3, с. 126].

Интерес представляет отношение к разводу различных африканских племен, которое резко отличается от отношения народов, испокон веков исповедующих христианство, иудейство или ислам. Добившись независимости, молодые африканские страны (Кения, Танзания, Малави, Уганда, Замбия и др.) стали вводить свои законы, в том числе и о браке, разводе и семье — причем, во многих случаях не для страны в целом, а для каждого племени в отдельности, с учетом его обычаев. На эти законы повлияли правовые нормы бывших метрополий (Англия, Франция и др.), но, как правило, они представляют собой лишь официальное признание государством естественноисторически сложившихся норм, регулирующих брачно-семейные отношения, и отражают общественный климат в отношении браков и разводов. В монографии И.Е. Сенициной [4] рассматривается множество сводов обычного права различных племен. Конечно, они не одинаковы. Автор выделяет основания для развода, признаваемые многими народами. Это: отказ от интимных отношений с мужем или женой в течение долгого времени без уважительных причин (болезнь, беременность, недавние роды), длительное неоказание мужем материальной помощи семье, систематическое невыполнение женой своих обязанностей по дому, ее леность, постоянное расточительство хозяйственной собственности, продолжительная отлучка из дома одного из супругов без ведома другого, пьянство, побои (если последние носят чрезмерный или неоправданный характер: некоторые племена считают, что в разумных пределах муж может бить жену за серьезные провинности). Причиной развода считается и колдовство, направленное против мужа или жены. Вера в колдовство по сей день там очень распространена.

В то же время у народов, признающих многоженство, бесплодие жены обычно считается основанием для того, чтобы взять вторую жену, а не для развода с первой (это даже считается антигуманным поступком). Если же виновная сторона — муж, он может попросить кого-то из друзей «помочь» его жене. Если же муж этого не делает или если жена не принимает «помощь», это служит причиной для развода по законам и обычаям племен кикуйю, луо, лухья,, масаи (Кения).

Супружеская неверность считается причиной для развода не у всех племен и не при всех обстоятельствах. У одних народов уже однократного «грехопадения» жены достаточно для развода, у других только ее крайне развратный образ жизни или длительная связь с другим мужчиной могут служить основанием

для этого. Неверность мужа, независимо от продолжительности связи, обычно признается причиной для развода лишь при «отягчающих обстоятельствах» (таких, как кровосмешение, заражение жены венерической болезнью, прекращение нормальных отношений с ней, т.е. если муж совсем оставляет жену и живет с любовницей). Если по обычаям племени муж может брать вторую жену без согласия первой, то, тем более, у него может быть любовница. Но если последняя — замужняя женщина, то возможен развод, который служит своеобразной карой мужу не за неверность своей жене, а за нарушение супружеских прав другого мужчины (свод обычного права племени луо). Кроме того, у некоторых сенегальских племен одним из оснований для развода может быть неравное распределение мужем ночей между женами в полигамном браке [4, с. 105—119, 225-272 и др.].

Здесь перечислены далеко не все «уважительные» причины для развода, признаваемые африканскими племенами. Интересно, что почти всегда такими причинами считаются систематические нарушения правил семейной жизни: постоянная лень, беспробудное пьянство, длительный отказ от интимных отношений, продолжительная внебрачная связь и т.п. Разовые нарушения, кроме самых грубых (покушение на жизнь супруга) или повлекших тяжкие последствия (заражение венерической болезнью), такими основаниями обычно не признаются.

Причины возникновения традиционного отношения к разводу

При больших различиях между причинами развода, признававшихся уважительными в разных европейских странах в прошлом (а во многих африканских и азиатских странах и по сей день), можно заметить общий подход к этому вопросу. Традиционный брак был договорным отношением между мужчиной и женщиной, налагающим определенные обязательства на обе стороны. Это не значит, что всегда составлялись письменные брачные контракты с перечислением таких обязательств. Обычно обходилось без этого. Люди большей частью были неграмотными, а обязательства — типовыми. Муж должен был содержать семью, жена — рожать детей и вести хозяйство, оба — заботиться друг о друге и о детях, хранить супружескую верность. Брак давал многие преимущества. Раньше вообще трудно было жить вне брака, так как мужские и женские роли в обществе были четко разделены: мужчине требовалась «хозяйка», а женщине — «кормилец». Одиноким было нелегко в быту, малодоступной была для них и регулярная половая жизнь. Внебрачная связь осуждалась общественным мнением, скрыть же такую связь, особенно длительную, от окружающих было трудно — люди жили в деревнях и небольших городах и были друг у друга на виду.

Главное преимущество брака перед безбрачием состояло в лучших условиях для воспитания детей. Хотя внебрачные дети рождались всегда, они находились в худшем положении из-за отсутствия отцов — кормильцев и воспитателей, незаменимых в социализации сыновей. К ним почти всегда негативно относились окружающие. Во многих языках существуют ругательства типа «шлюхин сын», да и матерям таких детей приходилось не сладко.

В тяжелом положении оказывались и семьи, в которых умер один из супругов. Вдовы и сироты — самые несчастные существа, по понятиям всех традиционных обществ. Но в отличие от одиноких матерей, вдов не презирали — они не виноваты в своем несчастье. У многих мусульманских народов, отдельных негритянских племен, некоторых народов Сибири и Дальнего Востока в незапамятные времена сложились и кое-где сохранились до наших дней обычаи левирата и сорората, поощряющие браки вдов и вдовцов с братьями и сестрами их мужей и жен. Считалось, что родные дядя или тетя лучше, чем кто-то другой, заменят детям отца или мать, а дед и бабушка, если они живы, остаются те же, родные. Но обеспечить вступление всех вдов и вдовцов в повторные браки никогда не удавалось.

Широкая распространенность вдовства и сиротства была побочный продуктом высокой смертности, против которой традиционные общества были почти бес-силны. Но они негативно относились к появлению вдов и сирот при живых мужьях и отцах в результате внебрачных рождений или разводов.

Поэтому отношение к разводу и к безбрачию всегда было отрицательным. Но при этом люди понимали, что если развод плох *в принципе*, то и брак хорош лишь *в идеале*, т.е. в случае, когда все правила семейной жизни соблюдаются обоими супругами. Нередко брак с большим или асоциальным партнером мешал другому супругу воспользоваться теми преимуществами, которые бы ему принес нормальный брак.

Если один из супругов не мог иметь детей, то такой возможности лишился и другой. Если муж был импотентом, то здоровая жена не могла жить половой жизнью. Если он был пьяницей, то не содержал, а, напротив, разорял семью. Таких случаев было много, и для борьбы с ними различные общества во всех концах мира и в разное время независимо друг от друга выработали нормы, дающие одному из супругов право на развод при грубых нарушениях правил семейной жизни другим супругом.

Так, если брак считался союзом не только между мужем и женой, но и между их семьями или родами, то постоянное проявление женой неуважения к родным мужа или невыполнение мужем предписанных обычаем обязательств перед родственниками жены также служили основаниями для развода (согласно брачному праву народа бали, живущего в Малави [4]). В западноевропейской нуклеарной семье подобная причина даже в прошлом не считалась уважительной, хотя отношения с родными и сегодня играют важную роль. Там были значимы другие причины — тоже вполне рациональные и связанные с нарушениями условий писанного или неписанного брачного договора. Практически никогда и нигде (до недавнего времени) жена не могла требовать развода только потому, что разлюбила мужа и(или) полюбила другого.

Конечно, это общая теоретическая схема мотивации традиционного развода. Конкретные факты никогда не укладывались полностью в жесткие рамки. Были случаи, когда мужья имели право на развод с «хорошими» (в глазах других) женами. Так, в Пятикнижие Моисея есть норма, по которой, если жена не найдет благоволения в глазах мужа, он может написать ей разводное письмо, разрешающее выходить замуж за другого. Если она так и поступит, а затем вновь разведется или овдеет, то бывший муж уже не может взять ее назад, «ибо это есть мерзость в глазах Господних» (Второзаконие, гл. 24, 1—4).

Если понимать это буквально, то муж мог прогнать жену не только по объективным, но и по субъективным причинам, мог (с ее согласия) и вернуть обратно, если она не вышла за другого. Жена же, вероятно, вообще не могла уйти от мужа. Однако уже в раннем средневековье брачно-семейное право европейских евреев сильно изменилось. В XI в. съезд раввинов в Германии отменил многоженство, позднее был изменен и закон о разводе. Муж мог выдать разводный лист жене, если раввины признавали его претензии к ней обоснованными (например, в случае бесплодия или неверности). Но они могли не только разрешить, но и приказать ему выдать этот лист, если того требовала жена, обвиняя его в том, что считалось основанием для развода (например в сокрытии от нее до свадьбы своего тяжелого заболевания). Если же жена требовала расторжения брака лишь потому, что муж ей опротивел, раввинский суд отказывал ей, считая, что в таком случае всякая женщина, полюбившая другого, будет просить развод под этим предлогом. В таких случаях давали право на раздельное проживание, пока супруги не помирятся или добровольно не разведутся.

Известны случаи, когда раввины требовали от мужа развестись с неверной женой, хотя тот был готов простить ее, а она умоляла наложить на нее суровое покаяние (ему подвергались в подобных случаях и неверные мужья).

Вероятно, судьи считали, что прощать такое поведение — значит подавать дурной пример другим [5, с. 344—351].

Подобно древнему иудейству, ислам дает мужу право на развод без объявления причины. Жена же имеет такое право только в случаях, предусмотренных законом. Однако исламская культура создала контрнормы против злоупотребления мужей этим правом. Когда вспыльчивый муж, прогнавший жену без видимой причины, раскаивался и хотел ее вернуть, он мог это сделать (по закону), лишь если жена за это время успела побывать замужем за другим. Мужу приходилось искать бывшей жене подставного супруга, который за известную мзду соглашался сыграть эту роль [6]. Положение бывшего мужа в глазах окружающих было позорным, и к тому же он никогда не был уверен, что ему вернут жену. Кроме того, у мусульман, как и у евреев, при разводе муж выплачивал жене крупную сумму (по брачному контракту). Это тоже мешало использовать право немотивированного развода, которое, по-видимому, вообще редко осуществлялось на практике. Обычно мусульмане разводятся с женами по веской причине — из-за отсутствия детей; жены же требуют развода, главным образом, когда мужья их не содержат.

Во всяком случае, как у древних евреев, так и у современных мусульман право на немотивированный развод свидетельствует не о кризисе брака как социального института, а о господстве мужчины в семье. Интересно, что это сочеталось с правом на многоженство.

Если бы традиционный брак был абсолютно нерасторжимым, то многие пользовались бы всеми его преимуществами, ничего не давая взамен своим супругам, которые оказались бы в безвыходном положении. Традиционный развод, неразрывно связанный с таким браком, давал им право на выход из этой ситуации (т.е. из брака с асоциальным или больным партнером) и на новый брак с более подходящим. Нарушителям правил семейной жизни грозили бы тогда не только развод, но и другие весьма суровые санкции.

Послебрачные санкции

в некоторых обществах неверные супруги наказывались тюремным заключением и даже смертью. Так, в средневековом венгерском королевстве закон предусматривал отсечение головы для прелюбодеев и утопление для прелюбодеек. Однако на деле столь суровые кары к мужчинам применялись редко, обычно за соблазнение чужих жен, а не за измену собственным. Кроме того, у мужчин была привилегия — право на менее мучительную и не столь позорную (по тогдашним понятиям) казнь, чем у женщин. Наконец, де-факто у мужчин часто было право самим убивать неверных жен; даже в нашем веке присяжные в разных европейских странах в подобных случаях выносили мягкие, а то и оправдательные приговоры («развод по-итальянски»).

Обычно к нарушителям брачного договора применялись менее жесткие, но достаточно строгие меры. Так, во многих обществах считалось, что они — люди аморальные и не должны воспитывать детей, которых оставяли другому, невиновному супругу. (По этой причине была разлучена с сыном и Анна Каренина.) Кроме того, нарушителям правил брака грозили материальные санкции. У многих народов с традициями брачного выкупа (калыма) он возвращался мужу, если брак расторгался по вине жены, и оставался в ее семье, если виновником развода был муж. Если жена приносила мужу приданое, она могла забрать его назад при разводе по вине мужа и теряла право на приданое при разводе по своей вине. В других случаях с виновных брали штраф, а также решали спорные вопросы при разделе имущества бывших супругов в пользу невиновных. Даже в недавно принятом (вступил в силу с 1985 г.) болгарском брачно-семейном кодексе вина мужа или жены в разводе считается основанием для решения вопроса о квартире и другом общем имуществе, т.е. виновнику развода грозит разорение и потеря крыши над головой [7, с. 88-94].

В прошлом лица, виновные в нарушении правил семейной жизни, особенно в неверности, нередко теряли на долгий срок право на новый брак. В России конца XIX—начала XX в. «поражение в правах» для прелюбодеев составляло семь лет. Это было чувствительным наказанием, особенно для тех, кто привык к семейной жизни.

Традиционный развод имел место в тех случаях, когда все другие средства воздействия на нарушителей правил брака (побои, попреки, давление общественности, вмешательство родственников и, наконец, угроза разводом) оказывались безрезультатными. Санкции, сопутствующие ему, должны были служить примером для устрашения других желающих нарушить святость семейного очага. По существу, развод рассматривался как кара за преступление, и разведенные осуждались общественным мнением. Традиционный развод всегда считался чрезвычайным событием (как тяжкое преступление) и распространен был несравненно реже, чем в наше время. В дореволюционной России в 1913 г. на 1 тыс. браков приходилось 4 развода, в РСФСР в 1989 г. — 421 (расчет по: [8, с. 51; 9, с. 220]).

Таким образом, развод всегда являлся неотъемлемой частью брачного поведения. Он и теперь остается механизмом, обеспечивающим соблюдение принятых правил семейной жизни, играет корректирующую роль в случае их нарушения, обеспечивает оптимальный подбор пар.

Французские демографы П. Фести и Ф. Приу, изучая эволюцию законов о разводе в разных европейских странах, ранние типы законов называют «развод-кара» или «развод-санкция». Они отмечают, что санкции не применялись к тем, кто не мог выполнять условия брачного договора из-за болезни. Но такие браки расторгались, хотя и без негативных последствий для больных супругов, здоровые же получали возможность создать нормальные семьи. П. Фести и Ф. Приу разводы такого типа называют «развод-исцеление» [10, с. 12—19], поскольку они имеют только корректирующую функцию, но отнюдь не карательную.

По нашему мнению, между этими двумя типами развода нет принципиальной разницы. В обоих случаях брак расторгался из-за нарушения мужем или женой условий брачного договора, хотя в одном — нарушение было злостным и каралось, в другом — оно было вынужденным и не наказывалось. Во многих странах предусматривались (и допускаются до сих пор) развод или аннулирование брака по обоим этим основаниям. Считаем, что оба типа — разновидности традиционного развода. Мы далеки от идеализации последнего: он обеспечивал соблюдение условий брачного договора жестокими способами. Кроме того, сам договор нередко заключался не супругами, а их родителями. Договор ставил в неравное положение мужа и жену: во многих обществах допускалось многоженство, но даже при моногамном браке отношение к неверности мужа было более снисходительным, хотя в дореволюционной России прелюбодейство мужа или жены в равной мере было основанием для развода. Иногда случалось расторжение брака духовными властями против воли обоих супругов.

Мораль и право в рамках традиционного отношения к разводу

Самый большой недостаток традиционного развода — его малая эффективность как гаранта соблюдения брачного договора. Более эффективными были разводы в самых архаичных обществах, где споры о расторжении брака разрешались старейшинами племен. Последние исходили не из четко зафиксированного перечня оснований для развода, а из моральных норм данного племени, из прецедентов и соображений здравого смысла. Кроме того, они хорошо знали семью, судьбу которой решали.

Однако с развитием цивилизации, с возникновением государства и сопутствующими ему социальными институтами неписанные законы стали фиксироваться на бумаге. Во многих кодексах появляются перечни оснований для развода,

причем в них попадают не все причины, которые население считает уважительными, а только те, которые важными считает законодатель. Иногда кодификация бывает очень подробной, как, например, у вышеупомянутых африканских народов, но все-таки она не может учесть всех возможных случаев. В других кодексах предусматривались лишь немногие основания, которые казались законодателям самыми важными, исходя из церковных догматов, норм, принятых в других странах, или уже отживших свой век моральных норм. Даже законы, соответствующие морали в то время, когда их принимали, затем обычно устаревают. В результате даже «традиционным» обществам оказывается тесно в рамках бракоразводного законодательства.

Так, законы, изданные грузинскими царями с XI в. по XVIII в., считали вескими причинами для развода неверность жен и импотенцию мужей. Но в действительности бывали разводы и по другим причинам. В таких случаях инициатор развода наказывался большим штрафом в пользу покинутого супруга (женщины платили даже двойной штраф) [11, с. 22—23], но не принуждался к возврату в прежнюю семью.

«Незаконные» причины развода часто были вполне «традиционными». Прежде всего это относится к бездетности. До сих пор она считается величайшим несчастьем для грузин. Но в отличие от соседних мусульманских народов, их старые законы не признавали бездетность уважительной причиной для развода. В дореволюционной России и в ряде европейских стран в XIX в. жена могла требовать развода с неверным мужем, но не с пьяницей, бездельником или дебоширом. В то же время законы иногда предусматривали такие основания для расторжения или аннулирования брака, которые населению не казались уважительными. Так, среди русского крестьянства, проживавшего в Сибири в XVIII—XIX вв., свойство и «духовное родство» (за исключением «родства» между крестным и крестницей) не считались помехами для брака, хотя церковь и государство пытались принудительно расторгать или аннулировать подобные браки (например между кумом и кумой) [12, с. 194—202].

Если в какие-то моменты истории брачное право более или менее соответствует морали, позднее эволюция первого не поспевает за развитием второй и между ними возникают коллизии. (вспомним, что Каренин не мог использовать свое законное право на развод с неверной женой, чтобы не быть опозоренным в глазах общества.)

В других случаях, напротив, супруги, решившие расстаться по неуважительной в глазах закона причине, были вынуждены с помощью подставных свидетелей имитировать уважительную причину — прелюбодеяние. Этот способ получения развода часто описывается в художественной литературе.

Переход к разводам современного типа

Под давлением изменившегося общественного мнения в конце концов меняются и законы, хотя даже во многих демократических странах право на десятилетия отстает от морали в этих вопросах. Иногда расширяется перечень оснований для развода, а нередко от него вообще отказываются. Дело в том, что все чаще встречаются такие причины развода, которые нельзя доказать перед судом. Это отсутствие общих взглядов и интересов, утрата любви, сексуальная неудовлетворенность, т.е. сугубо нетрадиционные причины, которые в прошлом никогда не считались основаниями для развода, поскольку не были связаны с виной или болезнью оставленного супруга.

П. Фести и Ф. Приу описывают, как страны переходили от принципов «развод-кара» и «развод-исцеление» к принципу «развод-крушение», когда суд уже не выясняет, кто из супругов виновен в распаде семьи, не ищет доказательств его вины и не применяет к нему санкций. Вместо этого нужно доказать лишь сам факт прекращения супружеских отношений: раздельное про-

живание супругов в течение определенного времени и (или) их обоюдное согласие на развод. Иногда закон идет дальше — к принципу «развод-подтверждение», когда суд не выясняет причину развода, или последний вообще производится без суда. Так, в 1973 г. в Швеции был принят закон, в соответствии с которым при согласии обоих супругов на развод (если у них нет детей на иждивении), брак расторгается автоматически; если же есть дети или один из супругов не согласен на развод, то дается отсрочка на полгода; при возобновлении просьбы после этого срока развод дается безусловно, а причина его судом не выясняется [10, с. 12—18]. Недавно весьма сходный закон был принят в Финляндии.

Хотя названные авторы считают, что в СССР действует принцип «развод-крушение», полагаем, это верно лишь в отношении той части разводов, которые проходят через суды [10, с. 13, 18]. В случаях же внесудебного расторжения брака по обоюдному согласию супругов, не имеющих общих несовершеннолетних детей (ст. 38 Кодекса о браке и семье РСФСР), правильнее говорить о принципе «развод-подтверждение» в варианте, близком к шведскому. Кстати, этот закон принят на пять лет раньше, чем в Швеции.

В советском законодательстве сочетаются оба принципа. Вообще, между ними резкой границы нет. По нашему мнению, классификация законов о разводе, предложенная Фести и Приу, может быть упрощена: «развод-кара» и «развод-исцеление» — это виды традиционного развода, а «развод-крушение» и «развод-подтверждение» — подтипы современного развода, который вырос из традиционного и унаследовал многие его черты и почти все его принципы. И сегодня люди разводятся из-за неверности, пьянства, безответственности перед семьей, грубого и жестокого обращения, импотенции, бесплодия и других объективных фактов. Но к ним прибавились и субъективные причины: утрата или отсутствие любви, сексуальная неудовлетворенность, отсутствие общих взглядов и интересов и другие моменты, не зависящие от поведения и состояния здоровья оставленного супруга, например, любовь к другому.

В традиционных условиях нарушитель брачного договора не мог по своей инициативе требовать развода без согласия другого супруга. Многие старые кодексы и даже недавно принятый (1985 г.) болгарский закон не давали такого права [7, с. 88—94]. Сейчас этот запрет — анахронизм.

Инициатором развода современного типа может стать и нарушитель брачного договора: т.е. не только обманутый муж имеет право требовать развода от неверной жены (как в прошлом), но и жена может настаивать на разводе с ним только потому, что она полюбила другого, причем муж не вправе ей отказать. Не грозят ей и никакие послеразводные санкции. Однако последние не утратили значения, они потеряли только связь с виновностью в разводе и применяются сейчас почти исключительно к мужчинам. Еще совсем недавно в нашей стране развод мешал карьере мужчин (но не женщин). Сейчас этого нет, но осталась другая, более важная проблема.

Не только у нас, но и почти во всех европейских странах сложилась практика передачи детей после развода матерям, независимо от вины мужа или жены в разводе. У нас это означает раздел имущества и жилья самым невыгодным для мужа образом. Чаще всего его «законная» доля — это либо комната, либо полкомнаты. В итоге он или попадает в коммуналку, или оказывается вообще без жилья. К тому же часто бывшие жены не пускают отцов к детям. Ясно, что современный развод — это тоже кара, но не за вину мужа, а за то, что его разлюбили.

Конечно, можно считать, что изменились лишь условия брачного договора. Если прежде супруги должны были *заботиться* друг о друге, то теперь они должны также и *любить* друг друга, а невыполнение этого условия — одна из самых веских причин развода. Однако любой писанный или неписанный договор между людьми может регулировать только их *поступки* по отношению

друг к другу, а не их чувство к партнеру, которое может без всякой вины последнего измениться к худшему. Но даже если включить любовь в число условий брачного договора, то ее утрата давала бы моральное право на развод только тому, кого разлюбили, а не тому, кто разлюбил. В жизни же очень часто развода требует именно разлюбивший супруг, а возражает тот, у кого это чувство не уясло.

Роль субъективных причин развода

Отсутствие любви тесно связано с неудовлетворенностью интимными отношениями, что особенно характерно для женщин, имеющих добрачный опыт с другими партнерами. Сравнение с ними часто бывает не в пользу мужей именно потому, что мужья применяют противозачаточные средства и методы, защищающие жен от беременности, уменьшающие чувство сексуального удовлетворения. Внебрачные отношения начинаются спонтанно, при этом обычно никакая контрацепция не применяется, кроме того, они редки, «не приедаются», на них не отражаются бытовые супружеские конфликты. Часто внебрачные связи приносят большее удовлетворение. Не случайно у многих разных народов издавна сложились нормы, запрещающие добрачную половую жизнь для девушек, чтобы им не с кем было сравнивать своих мужей.

Так или иначе, но осознание того, что даже при идеальном поведении в семье любой супруг может быть покинут другим по субъективным причинам, не способствует и соблюдению старых, элементарных правил семейной жизни. А их нарушения в свою очередь вызывают конфликты, доходящие до развода уже по традиционному сценарию.

Понимание потенциальной хрупкости брака, конечно, отрицательно влияет и на рождаемость, поскольку даже наличие нескольких детей не гарантирует от развода, но крайне осложняет жизнь, если он происходит.

В последнее время появилось много брачно-семейных консультаций, занятых примирением конфликтующих пар. Если конфликт вызван объективной причиной, ее можно хотя бы попробовать установить и устранить, но если причина субъективная, вряд ли что-то можно сделать.

Если семейные конфликты вызваны неадекватным поведением мужа или жены (пьянство, лень, безответственность и т.п.), эту «болезнь» семьи можно вылечить, устранив ее причину. Во всяком случае, если «виновный» супруг не хочет распада семьи, ему (ей) можно объяснить, что нужно делать для того, чтобы в доме был мир. Но если кризис вызван отсутствием любви, то, как говорят, насильно мил не будешь.

Несколько лет назад автор данной статьи консультировал пары, подавшие заявления на развод в один из московских загсов. У многих не было рациональных мотивов развода. Его инициаторы просто заявляли: «любовь прошла», «я не смогла его полюбить», «мне с ней неинтересно», «он мне противен как мужчина», не обвиняя брошенных супругов ни в чем другом. Последние же не понимали, в чем их вина. В других случаях, напротив, жены предъявляли к нелюбимым мужьям вполне конкретные претензии: мало получает, не помогает по дому, недостаточно внимателен. Для одних этого достаточно, чтобы развестись, а другие живут с пьяницами и драчунами и не думают расставаться.

Узнать истинную причину развода, задавая прямые вопросы самим разведенным, почти невозможно¹. Они стремятся называть причины, уважительные в глазах

¹ По данным С.С. Седельникова (см. ниже), лишь 8% мужчин и 7% женщин, осуществивших развод без согласия другого супруга, считали, что со стороны последнего ничто не способствовало расторжению брака. В то же время среди разведенных супругов, возражавших против развода, но все-таки «брошенных» мужьями или женами, 32% мужчин и 40% женщин полагали, что с их стороны ничто не способствовало разводу. Судя по огромным расхождениям между этими цифрами, ни одна из них не заслуживает доверия.

окружающих. Если бы общественное мнение осуждало тех, кто бросил своих «положительных» жен или мужей лишь из-за утраты чувств, таких случаев было бы немного. Но мы предполагали, что для многих (причем не только разведенных) названная причина является уважительной.

Для проверки этого предположения еще в 1988 г. нами был проведен пресс-опрос читателей газеты «Семья». Они заполнили 754 анкеты, 741 из них вошли в обработку. На вопрос «Является ли отсутствие любви к мужу (жене) уважительной причиной для развода, если во всем остальном семейная жизнь протекает благополучно?» утвердительно ответили 39% мужчин и 31% женщин. Доля сторонников развода оказалась близкой к фактическому соотношению между числом браков и разводов в СССР [14; 8].

Конечно, репрезентативность данных пресс-опроса весьма проблематична. Но мы проверяли смещения в составе респондентов по сравнению с генеральной совокупностью по полу, возрасту, брачному статусу, детности, типам населенных пунктов (столицы СССР и союзных республик, областные центры, прочие города, сельская местность). Во всех случаях смещения мало влияли на результаты. Если бы состав респондентов по каждому из этих параметров совпадал со структурой всего взрослого населения страны, то доля сторонников развода изменилась бы на 2—3%. Учитывая сам характер анкеты, можно было ожидать, что на нее откликнутся в основном разведенные. Но они составили лишь 9,7% мужчин и 12,3% женщин против 4,7% и 8,9% во всем взрослом населении в 1989 г. Большинство респондентов состояли в браке (67,3% мужчин против 71,5%; 68% женщин против 60,6%), причем 83—84% из них — в первом браке, т.е. не имели опыта развода. Кроме того, среди разведенных и находящихся в повторном браке женщин доля сторонниц развода была лишь на 8—10% выше, чему у состоящих в первом браке. У мужчин разница больше, но она статистически незначима из-за малочисленности разведенных и состоящих в повторном браке мужчин в выборке. Если бы брачный состав респондентов был таким же, как во всем населении, то доля сторонников развода и у мужчин, и у женщин была бы лишь на один процент ниже цифры, полученной нами [9, с. 189; 13, с. 15—19; 14, с. 174].

Итак, результаты исследования не преувеличивают остроту проблемы. Скорее, наоборот. Ведь вопрос задавался в очень мягкой форме. Речь шла только об *отсутствии любви* к мужу или жене, а не о любви к другому. Многие люди, несчастные в браке с нелюбимыми, все же не идут на развод, пока у них не появится любимый человек. Если бы в анкете был вопрос о появлении нового чувства как причине развода, то доля утвердительных ответов на него, безусловно, была бы намного выше.

Как и ожидалось, положительное отношение к разводу по этой причине свойственно, в первую очередь, молодым женщинам, а у мужчин оно почти не связано с возрастом. Бездетные одобряют развод чаще, чем имеющие детей, однопородные матери — чаще, чем двух- и трехдетные. Еще сильнее влияет на отношение к разводу вера в возможность «любви до гроба»: те, кто верит в это, оправдывают развод вдвое чаще (среди мужчин соответственно 47% и 23%; среди женщин — 35% и 17%). Среди женщин, которые считают невозможным полюбить мужа уже после свадьбы, если раньше не испытывали к нему подобных чувств, 57% сторонниц развода из-за отсутствия любви; среди женщин, которые считают, что это возможно, таких только 26%. У мужчин эта разница невелика (50% и 40%) и статистически незначима.

Опрос показал, что и у мужчин, и у женщин значим фактор *утраты любви*, но для женщин еще важнее *изначальное отсутствие любви* к мужьям. Это подтверждает нашу гипотезу о конфликте норм, одна из которых требует, чтобы все браки были по любви, а другая, традиционная, чтобы в брак вступали все. Этот конфликт острее ощущается женщинами, так как они, не выйдя замуж до известного возраста, воспринимаются окружающими как «старые девы» и часто

вынуждены выходить за нелюбимых. Однако норма, осуждающая «брак по расчету» (в обыденном сознании это любой брак не по любви), настолько вошла в их сознание, что они и в браке чувствуют себя несчастными из-за того, что не любят мужей, хотя могут признавать их хорошими супругами и отцами. В результате — любовь «на стороне» и разводы.

Для мужчин эта линия брачного поведения не столь типична. Они менее ориентированы на романтическую любовь, а если она и есть, то более осуществима, так как у мужчины больше возможностей выбора, больше времени на поиск жены. Одиноким мужчинам гораздо позже начинают рассматриваться окружающими как «старый холостяк», чем незамужняя женщина как «старая дева». Наконец, муж скорее будет удовлетворен интимными отношениями с нелюбимой, но любящей его женой, чем она — с нелюбимым мужем. Поэтому, вероятно, вступление в брак без любви не создает мужьям таких проблем, как женам.

Если прежде социальные нормы, требующие, чтобы все люди вступали в брак и имели детей, были обусловлены объективной необходимостью выживания человечества, то более поздние нормы, требующие, чтобы каждый брак был основан на взаимной любви, и признающие ее отсутствие или любовь к другому основанием для развода, исходят из интересов индивида, а не общества в целом. Они ставят во главу угла счастье даже не всей семьи, а лишь одного из супругов, что может обернуться несчастьем для другого и детей.

Нормы *обязательного брака* вообще выполнимы для огромного большинства людей, а нормы *брака по взаимной любви* заведомо нереальны для очень многих. Поскольку никакое чувство не гарантирует ответа, а сам характер супружеских отношений, основанных на долге, обязанности и резко ограничивающих личную свободу, не способствуют сохранению любви (если она была изначально), то нормы, требующие любви в браке ради личного счастья, на самом деле очень многих людей делают несчастными и в браке, и вне его [8, с. 86—90]. Кроме того, установка на приоритет личных интересов над интересами семьи — одна из главных причин малодетности семей, при которой население в 5 млн. человек за 1 тыс. лет может уменьшиться до 300 человек [15, с. 141 — 156].

Наши рассуждения не надо считать призывом возродить репрессивные законы о разводе. Закон, который противоречит морали, мертв. Гораздо важнее изменить моральные нормы, регулирующие брачное поведение. Если этого не сделать, то само существование семьи как социального института, обеспечивающего воспроизводство населения и социализацию новых поколений, окажется под вопросом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демографический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1985.
2. *Тольц М.С.* Брачность населения России в конце XIX—начале XX века // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М.: Статистика, 1977. С. 139—15).
3. Население мира. Демографический справочник. М.; Мысль, 1989.
4. *Синельникова И.Е.* Человек и семья в Африке (По материалам обычного права). М.: Наука, 1989.
5. История еврейского народа. Т. XI (История евреев в России). М., 1914.
6. *Нерваль Ж.де.* Путешествие на Восток. М.: Наука, 1987.
7. *Кубадински П.* Долг семейный и общественный. М.: Юрид. лит.-ра, 1988.
8. *Синельников А.Б.* Брачность и рождаемость в СССР. М.: Наука, 1989.
9. Демографический ежегодник СССР. 1990. М.: Финансы и статистика, 1991.
10. *Фести П., Приу Ф.* Разводы в Европе после 1950 г. // Развод. Демографический аспект. М.: Статистика, 1979. С. 11—47.
11. *Бекая М.А.* Социальные проблемы семьи промышленного города Грузии (историко-социологическое исследование). Автореф. дис. докт. ист. наук. Тбилиси, 1989.
12. *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1979.

13. *Синельников А.Б.* Деструктивное брачное поведение в зеркале общественного мнения // Демографическое поведение: опыт социологического изучения. М.: ИС АН СССР, 1990. С. 7—26.
14. Население СССР. 1987. М.: Финансы и статистика, 1988.
15. *Котрикадзе Б.В., Синельников А.Б.* Рождаемость в Грузинской ССР: тенденции и пути регулирования. Тбилиси: Мецниереба, 1990.